

О.Ф. Кудрявцев

**ДВОЯКИЙ ОБРАЗ РОССИИ:
СИГИЗМУНД ГЕРБЕРШТЕЙН И ЕГО ПРЕДШЕСТВЕННИКИ**

(Статья опубликована в кн.: *От средних веков к Возрождению.*

Сборник в честь проф. Л.М. Брагиной. СПб., 2003. С. 186-215)

«Русские навлекли на себя враждебность

Запада по причине их упрямой

приверженности чуждой цивилизации»

(А.Тойнби)

Последняя треть XV-первая треть XVI в. – качественно новый этап политического бытия Северо-Восточной Руси, в ходе которого здесь, на землях великороссов, образовалось централизованное государство, ставшее важным звеном системы международных отношений и вскоре заявившее о своей особой, вселенской миссии¹.

¹ о месте и роли России в системе международных отношений конца XV-начала XVI в. см. подробнее: *Базилевич К.В.* Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV в. М., 1952; *Хорошкевич А.Л.* Русское государство в системе международных отношений конца XV-начала XVI в. М., 1980.

Об особом призвании «Русского царства» в мировой истории см. документы и исследования: *Идея Рима в Москве XV-XVI века. Источники по истории русской общественной мысли.* Roma, 1989; *Kaempfer F.* La “Saint Russie” vue par l’Europe occidentale: l’image de la chretiente russe en Occident et le concept de “Sainte Russie” // 988-1988: un millenaire. La christianisation de la Russie ancienne. Paris, 1988

К этому новому, сложившемуся на рубежах известного тогда мира государству, его политическому строю, религии, географии, общественным отношениям, вооруженным силам, порядкам и нравам европейцы начали обнаруживать интерес фактически с момента его возникновения. Уже в 1486 г. канцелярией великого герцога Миланского был записан рассказ московского посла о его стране, опубликованный, впрочем, лишь в XX в.; в следующем, 1487 г., вышли из печати записки венецианца Амброджо Контарини о посольстве в Персию 1474-1477 гг., и поскольку его обратный путь пролегал через Россию, то в своем труде он уделил ей некоторое место; о ней говорится также у Иосафата Барбаро, который между 1488 и 1492 гг. составил свое «Путешествие в Тану» по следам пребывания в этом городе с 1436 по 1452 гг.² Тем не менее,

(Р. 197-208). Р. 200, 201; *Синицына Н.В.* Итоги изучения концепции «Третьего Рима» и сборник «Идея Рима в Москве» // Римско-константинопольское наследие на Руси: идея власти и политическая практика. М., 1995. С. 16-42; *Она же.* Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV-XVI вв.) М., 1998.

² Сведения московского посла, зафиксированные в Милане в 1486 гг., опубликованы в кн.: *Barbieri G.* Milano e Mosca nella politica del Rinascimento. Storia delle relazioni diplomatiche tra la Russia e il Ducato di Milano nell'epoca sforzesca. Bari, 1957. Р. 90-95. См. их издание на русском языке: *Гуковский М.А.* Сообщение о России московского посла в Милан (1486 г.) // Вопросы историографии и источниковедения СССР. Труды ЛОИИ АН СССР. М.; Л., 1963. Вып. 5. С. 648-655.

Первые публикации сочинений Контарини и Барбаро: Questo e il Viazio di misier Ambrosio Contarin ambasciador de la Illustrissima

сочинения, специально посвященные Российскому государству, или, как его тогда называли, Московии, стали появляться в Европе лишь с конца первой четверти XVI в.

Причины, заставившие европейцев именно в это время проявить повышенное внимание к великому восточному соседу, я попытался проанализировать в работе, которая предпослана опубликованному мной сборнику известий о Московской Руси, увидевших свет до издания «Записок о Московии» Сигизмунда Герберштейна в 1549 г.³ Цель данной работы состоит в том, чтобы сличить отношение к России у Герберштейна и у его предшественников, которые, хотя создавали и публиковали свои произведения раньше, чем прославивший себя габсбургский дипломат, тем не менее, так же, как и он, описывали Российскую страну в период правления Василия III, преимущественно второй половины 10-первой половины 20-х гг. XVI в. Проблема, однако, в том, что это единство предмета повествования отнюдь не обусловило складывание тождественных или даже близких по своей сути образов России; более того, вполне очевидно, что картина русской жизни,

Signoria de Venesia al signor Uxuncassan, re de Persia. Venetiis, 1487; Viaggio del magnifico messer Iosafat Barbaro, ambasciatore della illustrissima republica di Venetia alla Tana // Viaggi fatti da Venetia alla Tana, in Persia, in India, et in Constantinopoli... Aldus. Vinegia, 1543. P. Тексты этих авторов на оригинале и в переводах на русский, а также исследования о них см.: *Скрябинская Е.Ч.* Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей в XV в. Л., 1971.

³ *Кудрявцев О.Ф.* Жизнь за царя: русские в восприятии европейцев первой половины XVI в. // Россия в первой половине XVI в.: взгляд из Европы. М., 1997 (С. 6-34). С. 7-12.

представленная Сигизмундом Герберштейном, который дважды, в 1517 и в 1526 гг., в качестве посла посещал Московскую Русь и в 1549 г. опубликовал посвященные ей «Записки», резко отличается от той, какую можно составить, прочитав вышедшие в 1525, 1526 и 1543 гг. трактаты о Московии Павла Йовия, Иоганна Фабри и Альберта Кампенского, опиравшихся в своих трудах о ней на чужие устные рассказы и письменные донесения⁴.

Предшественники Герберштейна изображали Россию как страну с прочным государственным строем, здоровыми общественными, религиозными и нравственными устоями, заимствование которых, по их мнению, было бы целительно и спасительно для Европы. В описании же габсбургского посла почти все выглядит иначе, и то, что вызывало восхищение и даже зависть трех упомянутых авторов, как правило, показано с такой стороны, которая у европейского читателя воодушевления вызвать не могла.

Авторы, повествовавшие о Российском государстве Василия III, не могли обойти вниманием вопрос о власти великого князя. Они отмечали ее абсолютный, ничем не стесненный характер, но преподносили это совершенно по-разному. Альберт Кампенский, один из наиболее близких к папскому престолу церковных писателей начала 20-х гг XVI в., с одобрением сообщал о том, что

⁴ Сочинения Йовия «Книга о посольстве Василия, великого князя Московского, к папе Клименту VII» и Фабри «Религия московитов» были подготовлены в 1525 г., работа над трудом Альберта Кампенского «О Московии» растянулась с 1523 по 1525 гг. Подробнее об этих трактатах, их изданиях и авторах см. мои вступительные статьи в кн.: Россия в первой половине XVI в.: взгляд из Европы. С. 63-74; 135-142; 217-226.

великий князь Московский всеми своими подданными повелевает неограниченно, «как рабами, имея полную власть над их жизнью и имуществом», что никто из них «не смеет в чем-либо перечить воле государя». Благодаря такой власти, не прибегая к иноземцам и наемникам⁵, он способен собрать в своих землях войско какой-угодно величины⁶, что делает его выгодным союзником для борьбы с османами⁷; а, кроме того, «поскольку сейчас все зависит лишь от государя» (*cum ab uno Principe pendeat res tota*), то его одного, желающего, по убеждению Альберта Кампенского, прекратить церковную схизму, легче было бы склонить к заключению унии с католиками, нежели если бы это “дело предстояло обсуждать с толпой” (*si cum multitudine res haec tractanda*), и с его помощью привести к послушанию папе «бесконечное число людей», то есть все население его страны⁸.

⁵ “... deinde quod est praecipuum externo aut conductio milite nunquam utitur, sed propriis tantum ac subditis quibus omnibus ueluti seruis liberrime dominatur uitae eorum necis ac fortunarum liberam habens potestatem nemine imperio principis uel in minimo contrahiscere audente...” (*Albertus Campensis. De Moscovia // Россия в первой половине XVI в.: взгляд из Европы. Перевод О.Ф.Кудрявцева и С.Г.Яковенко. С. 84, 106; в этом издании воспроизведен текст первой публикации трактата, осуществленной в Венеции в 1543 г.*).

⁶ “in Misitiam [то есть: Militiam], quantumcunque uult delectum facit”, - и далее показано, какое княжество сколько воинов может выставить (*Ibid. С. 80, 81, 102, 103*).

⁷ Об этом говорится в разных местах сочинения.

⁸ *Ibid. С. 85, 86, 107, 108.*

Равным образом для Иоганна Фабри едва ли не главным преимуществом государства московитов, порядки которого он, будучи советником и доверенным лицом эрцгерцога Австрийского Фердинанда, конечно же, сравнивал с положением дел в Священной Римской Империи, являлось самовластье их государя и полная покорность ему подданных даже самых высоких социальных рангов: «Замечательно и заслуживает высшей похвалы у них то, - пишет Фабри, - что всякий из них, как бы ни был он знатен, богат и могущественен, будучи потребован [великим] князем хотя бы через самого низкого гонца, тотчас спешит исполнить любое повеление своего императора, яко повеление Божье (*statim aduolet, omnibus mandatis sui imperatoris, instar dei, obtemperet*), даже тогда, когда это, казалось, сопряжено с риском или опасностью для жизни. Более того, величайшим проступком или бесчестьем считается у них, если кто-то по своей воле не услужит во всем [своему] герцогу. И, напротив, весьма славна в муже покорность [государю]. По этой причине, - развивает Фабри мысль в том же направлении, что и Альберт Кампенский, - за короткое время [великий князь] может собрать двести или триста тысяч или иное число [ратных людей], когда он намеревался вести войско против своих врагов – татар, кафского царя или кого-то другого. Словом нет другого народа, более послушного своему императору, ничего не почитающего более достойным и более славным для мужа, нежели умереть за своего государя. Ибо они справедливо полагают, что так они удостоятся бессмертия»⁹.

⁹ *Fabri I. Moscovitarum religio // Россия в первой половине XVI в.: взгляд из Европы. Перевод О.Ф.Кудрявцева. С. 149, 177. В этом*

Весьма показательно, что Герберштейн теми же самыми словами, какие мы встречаем у Альберта Кампенского и Фабри, описывал беспредельную власть московского государя в своей державе, его право на жизнь и имущество подданных и их религиозно-благоговейное почитание его воли в качестве выражения божественной и беспрекословное ей подчинение: “Свою власть он применяет к духовным так же, как и к мирянам, распорядясь беспрепятственно по своей воле жизнью и имуществом каждого из советников, которые есть у него; ни один не является столь значительным, чтобы осмелиться разногласить с ним или дать ему отпор в каком-нибудь деле. Они прямо заявляют, что воля государя есть воля Божья и что бы ни сделал государь, он делает это по воле Божьей. Поэтому также они именуют его ключником (*clavigerus*, *Schluesseltrager*) и постельничьим (*cubicularius*, *Camerer*) Божьим и вообще веруют, что он – свершитель Божественной воли»¹⁰.

издании воспроизведен текст первой публикации трактата, осуществленной в Базеле в 1526 г.

¹⁰ *Герберштейн С.* Записки о Московии. Перевод А.И.Малеина и А.В.Назаренко. М., 1988. С. 74. “*Authoritate sua tam in spirituales quam seculares utitur, libere ac ex uoluntate sua de omnium et uita et bonis constituit: consiliariorum quos habet, nullus est tantae authoritatis, qui dissentire, aut sibi in re aliqua resistere audeat. Fatentur publice, uoluntatem Principis, Dei esse uoluntatem: et quicquid Princeps egerit, ex uoluntate Dei agere. Ob id etiam clauigerum et cubicularium Dei appellant, exequutorem denique voluntatis diuinae credunt*” (*Rerum Moscoviticarum Commentarij Sigismundi Liberi Baronis in Herberstain, Neuperge, et Guettenhag. Basileae, 1556. P. 15* (далее в сносках стр. этого издания указана после буквы «P»). “*Sein gewalt hat der*

Покорные власти во всем, подданные готовы незамедлительно выполнить любое повеление государя. На такой обычай можно смотреть по-разному, трактовать его, например, вслед за Фабри как преимущество русских в сравнении с другими народами. «Если у нас с ними [московитами – *О.К.*] заходила речь о литовцах, - сказано в немецкой редакции “Записок о Московии”, - они обыкновенно с усмешкой говорили: “Когда их король или великий князь приказывают кому-либо отправляться с посольством или в какое другое место, то получает в ответ, что-де жена больна или лошадь хрома. А у нас не так, - говорят они смеясь, - если хочешь, чтобы голова была цела, отправляйся по первому приказу”¹¹. В латинской редакции этих слов нет; Герберштейн понимал, что ряд подобных

Grossfuerst gebraucht, gleich so woll uber die Geistliche, als uber die Weltliche, es sey umb das guet oder das leben. Seiner Raethe khainer hat des Herrn mainung widersprechen duerffen; bekhennen durchauss, des Fuerstens willen, sey Gottes willen, also was der Fuerst thuet, das thut er auss dem willen Gottes, darumb nennen sy Iren Fuersten Gottes KLVCZNICK das ist, Schuesseltrager, souil als Camerer, und sey nur ain uoltzieher Gottes willen” (Moscouia der Hauptstat in Reissen, durch Herrn Sigmunden Freyherrn zu Herberstain, Neyperg und Guetenhag. Wien, 1557. Sig. C iv rv; далее стр. первого издания немецкой редакции трактата Герберштейна указана после «Sig»).

¹¹ Там же. С. 113а. “...wan sy ye mit uns uon Lithen zu red seind worden, haben sy spoetlich uon jnen gerett, als wan ir Khuenig oder Grossfuerst ainem beuelhte in potschafft oder andere ort zuraisen, so sagen sy jr weih sey khrauckh oder die pferdt seind menglig; das ist bey uns hie nit, sprechen sy, und das mit lachendem mund, sonder reit hin auf alle befelch, wiltu dein Kopff gesund haben” (Sig. H iv r).

сравнений можно было бы продолжить к выгоде для русских, обращаясь к государственным порядкам не только литовцев, но также немцев, итальянцев и иных европейских народов. Он же хотел показать эту власть, которой русский государь “далеко превосходит всех монархов целого мира”¹², совсем с другой стороны, преимущественно как грубый деспотизм и беспощадный произвол. В расчете на негативную реакцию европейского читателя из среды территориальных владетелей и поместного дворянства он утверждал, что московский государь “отнял у всех князей и у прочей [знати] все крепости [и замки]», не поручая и не доверяя их даже своим родным братьям¹³. Сам неоднократно исполняя придворную, военную и дипломатическую службу, Герберштейн с неодобрением писал, что если государь «прикажет кому-нибудь быть при дворе его или идти на войну или править какое-либо посольство, тот вынужден исполнять все за свой счет. Исключение составляют [юные] дети бояр, то есть знатных лиц, с более скромным достатком»¹⁴; знатнейшие (*praestantiores*), по его словам, получают

¹² Там же. С. 72. “Imperio, quod in suos exercet, omnes facile uniuersi orbis monarchas superat” (P. 14); “Er ubertraeff alle Khuenig, und Fuersten, mit dem gewalt, den er hette und gebraucht uber die seinigen” (Sig. C iii v).

¹³ Там же. См. также прим. N 148 на С. 298. “... omnes principes , et alios quosuis omnibus castris ac munitioibus exuit. Certe fratribus suis germanis nec arces permittit, nec etiam confidit” (P. 14); “...er alle Fuersten, und annder aller beuestigungen entsetzt hat, seinen gebuedern gleichermassen khain beuestigung gelassen, noch uertraut” (Sig. C iii v).

¹⁴ Там же. С. 72, 73. “...quemcunque apud se in aula esse, aut in bellum ire, aut legationem aliquam obire iusserit, obire quoduis suis sumptibus

владения в пользование по большей части лишь на полтора года, «[по истечению же этого срока всякая милость прекращается, и тебе целых шесть лет приходится служить даром]». Герберштейн преувеличивал, смешивая наместничества, предоставляемые обычно на год, с поместьями, которые давались на все время службы¹⁵. Иллюстрацией полного бесправия подданных перед лицом верховной власти явился рассказ о трагической судьбе дьяка Василия Третьяка Долматова, любимца государя, упеченного им «в вечное заточение» на Белоозеро за жалобу на отсутствие денег, чтобы править посольство «к цесарю Максимилиану»; там он и «[погиб самой жалкой смертью]» (*miserrime perijt*), а имущество его в три тысячи флоринов, по оценке Герберштейна, присвоил себе государь¹⁶. Нелегка была участь и тех, кто ехал в посольство; кроме того, что делать это они должны были на свои средства, все драгоценности, ими привозимые, «государь откладывал в свою казну» (*id Princeps in suum fiscum reponit*); так, послы к императору Карлу V князь Иван Иванович Засекин (или: Посечень) Ярославский и дьяк Семен Борисович Трофимов, на рассказы которых, кстати

cogatur: exceptis adolescentulis filijs Boiaronum, hoc est, tenuioris fortunae nobilium...» (P. 14); “Wenn er auch an seinem Hof gebrauchen in khrieg oder Potschafft schiken will, die muessn auf jren Chosten das thuen, ausser der Boyarn Sun das seind die armen Edlleut...” (Sig. C iii v).

¹⁵ Там же. С. 73. См. также прим. N 150 на С. 298. “...elapso eo tempore, cessat omnis gratia, toto que sexennio gratis tibi erit deinceps seruiendum” (P. 14); “auff alle diennstperkhait und gebot auff sein selbs Chostn gehorsam sein” (Sig. C iv r).

¹⁶ Там же. См. также прим N 151 на С. 298, 299 (P. 14; Sig. C iv r).

заметить, опирался в своем произведении Фабри¹⁷, лишились всех даров и императора, и его брата эрцгерцога Фердинанда – золотых ожерелий и цепей, серебряных кубков, золотых и серебряных тканей, испанской и немецкой золотой монеты¹⁸; а ведь князь Посечень, по свидетельству Герберштейна в другом месте своего труда, «был настолько беден, что взял займы, как мы знаем, наверное, на дорогу платье и колпак»¹⁹.

Словом, тот тип отношений между верховной властью и подданными, который Фабри, конечно же, идеализируя, считал «замечательным и заслуживающим высшей похвалы», у Герберштейна никаких восторгов не вызывал; наоборот, он всячески стремился обнаружить в нем черты «жестокости рабства», коим российский правитель «одинаково гнетет всех»²⁰. Даже хлеба на великокняжеском пиру, «имеющие вид лошадиного хомута», то есть колачи, по его мнению, «знаменуют для всех, их вкушающих,

¹⁷ См.: Россия в первой половине XVI в.: взгляд из Европы. С. 138, 145, 173, 205-206 N 6, 7.

¹⁸ *Герберштейн С.* Записки о Московии. С. 73 (P. 15; Sig. C iv r).

¹⁹ Там же. С. 154. “...qui adeo pauper erat, ut uestes, et Kolpackh (quod capitis tegumentum est) aliunde (quo certo scimus) pro conficiendo itinere commodato sumeret” (P. 79); “...der ist arm gewest, also das er seine claiden und huetl Khopackh genant zu der Rayss entlehen muessen” (Sig. M ii v).

²⁰ Там же. С. 72. “omnes iuxta, dura seruitute premit (P. 14); “Hellt alle und yede in gleicher dienstparkhait” (Sig. C iii v). См. на эту тему: *Kaempfer Fr.* Herbersteins nicht eingestandene Abhaengigkeit von Johann Fabri aus Leutkirch // *Jahrbuecher fuer Geschichte Osteuropas.* 44 (1996). Heft 1 (S. 1-27). S. 21.

тяжкое иго и вечное рабство»²¹. Другой габсбургский посол и его современник Франческо да Колло, побывавший в Московии в 1518-1519 гг., чей труд, утратив значительную долю своей актуальности, был издан лишь в 1603 г., сходным образом изображал московского князя в качестве хозяина своей державы, не стесненного в отношении подвластных ему людей никакими установлениями, ибо его воля «единственно почитается за закон, и настолько ему все подчинены, что если он прикажет кому пойти и повеситься, бедняга не усомнится немедленно подвергнуть себя такому наказанию. Не видно ни у кого и такой смелости, чтобы кто-то решился сказать – это имущество мое; но говорит – по милости великого Государя приобрел я сие имущество. И, если сказать правду, все имущество, не только общественное, но и частное, каково бы оно ни было, - принадлежит сему Князю, и он сегодня дает одному и отнимает у другого завтра, и крайне часто в одно мгновение возвышает одного до самых высших степеней и положения и опускает другого до самого низа и нищенских условий. И тот, кто низложен или от коего отнято что-то, не только не жалуется или печалится, но, распростершись ниц, бьет челом о землю и возносит хвалу

²¹ «которым они его [хлеб] заслуживают», - добавлено в немецкой редакции (Там же. С. 217, 216б). “Panis praeterea formam helcij equini habentes, mea opinione, omnibus ijs uescentibus, durum iugum et perpetuam seruitutem designant” (P. 128); “sy haben schoen weiss Prot, ist in form aines Rosskhumat, nach meiner ausslegung die dasselb gemaingelichen geniessen, im herten Joch und schwaerer dienstperkhait dasselb uerdien muessen (Sig. S ii r).

Государю...»²². Однако Да Колло, в отличие от Герберштейна, а также от Фабри, не смог или не захотел передать то религиозное благоговение, которое было свойственно восприятию верховной власти у русских.

Впрочем, и сам Герберштейн не придавал этому восприятию никакого существенного значения. Установившийся в России государственный строй он определял не иначе как «тирания» (*tyrannis, schwaere Herrschafft, grausame Herrschafft*)²³. По

²² Перевод О.Симчич. См. изд., где этот текст дан также на языке оригинала: “...la volonta [del Prencipe – *O.K.*] sola pero e hauuta per legge, e ottiene obediencia tale, che s’egli commanda ad alcuno che vada ad impiccarsi non differisce il meschino di esporsi subito da se stesso a tal supplicio, ne ui e alcuno di tanta temerita, che chi ardisca di dire i tali beni sono miei, ma ben dice per gratia del gran Signore io ottengo questi beni, e per dir vero tutti i beni, non diro publici solamente, ma i priuati ancora, quali si siano, sono di esso Prencipe, e egli hoggi da ad vno, e toglie a l’altro dimane, e spessissime volte in vn’instante inalza vno in supremo grado, e stato, e abbassa l’altro fino al fondo, e ad infima conditione, o miseria, e quello che e deposto, o alquale e tolta alcuna cosa, non pure se ne lagna o duole, ma prostrato percuote co’l capo la terra, e rende gratie al Signore, che l’habbia deposto, ouer che lo habbia fatto degno che tolti gli siano quei beni, che per tanto tempo gli sono stati dalla bonta di esso concessi...” (*Да Колло Фр. Доношение о Московии. М., 1996. С. 46, 47, 58, 59*). Об этом трактате и его авторе см. подробнее: *Симчич О. Дипломатическая миссия посла Максимилиана I Франческо да Колло и его “Relatione di Moscovia”// Там же. С. 5-43*).

²³ *Герберштейн С. Записки о Московии. С. 74 (Р. 15; Sig. С iv v)*.

представлениям образованного европейца ренессансной поры, хорошо усвоившего классическую политическую доктрину, которая формы правления подразделяла на правильные и неправильные, или извращенные, тирания принадлежала к числу последних и считалась самой дурной среди них, будучи вырождением монархической формы, наилучшей среди правильных. Изобразив и ославив порядки Российского государства как тиранические, Герберштейн не только выставил его в дурном свете, но и подводил к мысли о его политико-правовой ущербности, нелегитимности²⁴. И здесь он, вне всякого сомнения, полемизировал со своими предшественниками, и прежде всего с Фабри, считавшим возможным писать о приверженности московитов к аристократии – и это при беспрекословном послушании «князей провинций (*principes prouinciarum*) воле государя ! – то есть к одной из правильных политических форм, столь привлекательной для верхов правящего класса Германии, которые секретарь австрийского эрцгерцога упрекал в стремлении к таким неправильным, предосудительным формам, как «демократия и олигархия»²⁵.

²⁴ Нет никаких оснований соглашаться с Фр.Кэмпфером, будто "власть Василия III в качестве христианской монархии (*als christliche Monarchie*) импонировала Герберштейну" (*Kaempfer Fr. Siegmund von Herbersteins "Rerum Moscoviticarum Commentarii" als religionsgeschichtliche Quelle // Siegmund von Herberstein. Kaiserliche Gesandter und Begruender Russlandkunde und europaeische Diplomatie. Graz, 1989 (S. 147-163). S. 157*).

²⁵ "...hi aristocratian amplectuntur, nostri [Germani – *O.K.*] uero democratia, oligarchiaque omnia magis misceri uolunt" (*Fabri I. Moscouitarum religio. C. 168, 202*).

На вопрос, «то ли народ по своей грубости нуждается в государе-тиране, то ли от тирании государя сам народ становится таким грубым, бесчувственным и жестоким»²⁶, Герберштейн не стал искать ответа, хотя самой его постановкой он признавал не только власть московского государя тиранической, но и нравственный строй российского общества этой форме власти соответствующей. Тиранией считалось не самовластье вообще, но лишь такое, которое переходило в полный произвол, попирающий все человеческие законы и божественные установления. Именно подобным произволом изображал правление Василия III Герберштейн, а равно и другой габсбургский дипломат Франческо да Колло, решительно утверждавший, что «нет здесь [в Московии – *О.К.*] никакого писаного закона, но Князь старательно следует собственным обычаям»²⁷. И совсем в ином виде представлен тот же самый государь в описаниях Московии, вышедших в свет ранее Герберштейнова труда. У Альберта Кампенского и Фабри он показан христолюбивым правителем, у Павла Йовия – исполненным высоких личных качеств и заслуг; и в том и в другом случае к российскому самодержцу неприменимо имя тирана.

²⁶ *Герберштейн С.* Записки о Московии. С.74. “Incertum est, an tanta immanitas gentis tyrannum principem exigat: an tyrannide Principis, gens ipsa tam immanis, tamque dura crudelisque reddatur” (P. 15); “Es ist ain zweyfel, ob ain solch uolch ein solche schwaere Herrschafft haben muess, oder ob die grausame Herrschafft ain solch ungeschickht uolckh macht” (Sig. C iv v).

²⁷ “non ui e legge alcuna scritta, ma e il Prencipe alle consuetudini sue diligentissimamente intento” (*Да Колло Фр.* Доношение о Московии. С. 46, 58).

В самом деле, Альберт Кампенский, без устали твердивший о готовности Василия III к унии с римской церковью, преподносил его, «государя-схизматика» (*scismaticus princeps*), по понятиям католиков, в качестве образца благочестия, в качестве «воистину христианского государя» (*vero Christianus princeps*), как подчеркивал голландский богослов, «в деле спасения нашего и христианской церкви он выказал себя в большей мере христианином, чем наши государи, которые похваляются титулами христианских, католических и защитников веры»; и это проявилось в том, что он «почти верную победу над своими врагами подарил христианскому миру», заключив перемирие с польским королем; даже своим примером он как бы попрекает европейских правителей, «увещевает их помнить, что они являются христианами», а «делами вразумляет, какими им следует быть»²⁸. «Усердным покровителем религии» назвал «императора рутенов» Иоганн Фабри и для иллюстрации его благочестия сообщил, что государь этот «доселе имеет обыкновение ежегодно посылать константинопольскому патриарху милостыню,

²⁸ “...pro nostra ac Christiana reipublicae. Salutem magis egit Christianum principem quam omnes nostri qui Christianorum catholicorum fidei difensorum titulis gloriantur”; “...pene certam de suis hostibus uictoriam ultro dedit reipublicae Christianae alioqui certo periclitanti cum ille numc hoste inducias faciendo quem nunquam perdere potuisset opportunius...”; “Neque dubito quin pudebit illos titulorum quos sibi arrogant impudentissime, quando intellexerit a scismatico se principe admoneri ut Christianos se esse recordentur? Ab eodem etiam facto se doceri quomodo esse debeant?” (*Campensis A. De Moscovia. C. 87-91, 110-113*).

костей тот мог бы жить, смиренно ожидая конца сего египетского рабства»²⁹, то есть османского ига.

Павел Йовий называл другие черты личности и поведения Василия III, из которых также складывался привлекательный образ московского властителя. Помимо «особо красивой наружности» великого князя, он отмечал в нем «выдающиеся достоинства души, любовь и расположение к подданным», совершенные им деяния³⁰. Этому государю в описании итальянского гуманиста нельзя отказать в великолепии – столь ценимой ренессансной общественной мыслью доблести, которой характеризовался идеальный правитель: «Государь имеет обыкновение с замечательной пышностью и особым радушием, нисколько, спрочем, не вредящим его царственному величию, пировать принародно с вельможами и послами»; он открыт и, в противоположность тирану, по словам

²⁹ “Pietatis exemplum imperatoris in patriarcham Constantinopolitanum: ... Ruthenorum imperator, adhuc pietatis eiusmodi diligens custos: quotannis enim Constantinopolitano patriarchae in hanc usque horam, quo uiuere, et Aegyptiacae seruitutis finem aequa mente expectare possit, eleemosynam mittere consuevit” (*Fabri I. Religio moscouitarum*. С. 152, 182).

³⁰ Перевод А.И.Малеина и О.Ф.Кудрявцева. См. изд., где этот трактат дан также на языке оригинала: “Basilius... specie corporis eximia, animi uirtute singulari, suorumque studio, ac beneuolentia et rebus gestis, progenitoribus suis antefendus” (*Iovius P. Libellus de legatione Basilii magni Principis Moschouiae ad Clementem*. VII // *Россия в первой половине XVIв.: взгляд из Европы*. С. 252, 286; в этой публикации латинский текст сочинения Павла Йовия воспроизведен по его первой публикации: Roma, 1525).

Павла Йовия, «ни при себе, ни в других местах он не содержит в качестве телохранителей отрядов преторианских воинов, его окружает только собственная челядь»³¹.

Столь же несхожим образом представлен народ. У Герберштейна он – “груб, бесчувственен и жесток”; само собой разумеется, что в условиях тиранического правления он не может быть свободен, поскольку государь беспрепятственно распоряжается имуществом, судьбой и даже жизнью каждого подданного. Московиты не помышляют о сопротивлении такому порядку вещей, они ощущают себя рабами и соответственно поступают. Рабство их не только внешнее, политическое, навязанное властью, но и, в описании Герберштейна, укоренено в них самих, является как бы свойством их природы: “Все они называют себя холопами, то есть рабами государя. Те, кто познатнее, имеют рабов, чаще всего купленных или взятых в плен. Те же свободные, которых они содержат в услужении, не могут свободно уйти, когда им угодно. Если кто-нибудь уходит против воли господина, то его никто не принимает... Этот народ находит больше удовольствия в рабстве, чем в свободе. Ведь по большей части господа перед смертью отпускают иных своих рабов на волю, но эти последние тотчас же отдают себя за деньги в рабство другим господам”³².

³¹ “Ipse insigni apparatu et singulari comitate, qua tamen Regia maiestas nulla ex parte corrumpitur, publice cum proceribus atque legatis epulari solet... Nullam praetoriani militis cohortem, praeter ipsam familiam corporis custodiae causa, circum se habere uel alibi alere consuevit” (*Iovius P. Libellus de legatione...* C. 253, 288).

³² *Герберштейн С. Записки о Московии.* С 112. “Omnes se Principis chlopos, id est seruos fatentur. Item praestantiores, ex maiore parte

Об “исконном обычае” (ab origine consuetudo) московитов торговать людьми, словно скотом (tanquam pecora), сообщал польский космограф Матвей Меховский в опубликованном в 1517 г. трактате «О двух Сарматиях»³³. О том, что «людей в этих областях и во всей стране выше названного Князя [Московского – О.К.] продают, как куриц и других животных», писал и Франческо да Колло и, противопоставляя эти порядки с европейскими, добавлял, что такое обращение с людьми «запрещается нашими законами божественными и человеческими»³⁴. Герберштейн усматривал здесь

emptos aut captos seruos habent: quos autem liberos in seruitio nutriunt, ijs non est liberum quolibet tempore discedere. Si aliquis citra uoluntatem domini abit, nemo eum assumit... Gens illa magis seruitute, quam libertate gaudet. nam morituri ut plurimum certos seruos manumittunt: qui se tamen continuo allijs dominis, pecunia accepta, in seruitutem uendicant” (P. 49); “Alle im Land nennen sich jres Fuersten Chlopn, das haist uerkhauffte Knecht, die reichen alle haben erkhauffte aigne oder gefangene leut zu dienern, wan sy dan ye ainen freyen menschen zu ainem diener haben, dem gebuert nit jeder zeit uon seinem Herrn zughen, dan wo der on bewilligung seines Herrn abschied, niemand wuerd den annemen... Das uolckh ist also naturt, das sy sich der aigenschafft mehr dan der freyhait beruemen, die sterben den in jren letzten uerordnungen, lassen uil der aignen frey, dieselben beleiben selten, oder jr wenig in der freyhait, sonder uerkhauffen sich selbs...” (Sig. H iv r).

³³ *Mathias de Miechow. Tractatus de duabus Sarmatiis, Asiana et Europiana, et de contentis in eis. II.I.3 // Матвей Меховский. Трактат о двух Сарматиях. Введение, перевод и комментарии С.А.Аннинского. М.-Л., 1936. С. 112, 188.*

³⁴ *Да Колло Фр. Доношение о Московии. С. 53, 66.*

не просто несовершенство московитских порядков, но нечто большее, некий изъян души, нравственную неполноценность; ведь если человек лишен столь свойственной ему, с точки зрения образованного европейца, стремления к свободе и предпочитает рабство, то он тем самым неспособен вести гражданскую жизнь и обладать теми качествами, которые могут быть присущи только свободному человеку и гражданину. Не случайно в описании Герберштейна русские живут и обходятся друг с другом как варвары. И совсем иначе в этом отношении представлена Россия у его предшественников – в качестве заповедника нравственной чистоты.

Московитов можно было бы считать «намного праведнее нас», утверждал Альберт Кампенский, ссылаясь на мнение своего отца и «многих других, почтенных мужей, некоторое время проживших» у них³⁵. В частности, потому что им чужды нравственные пороки: «... у них считается великим и ужасным злодеянием обманывать и обделять друг друга, прелюбодейство, разврат и распутство редко встречаются в их среде. Противоестественные пороки им совершенно неизвестны; о клятвопреступлениях и богохульствах у них не слыхивать»³⁶. По ходу своего повествования доброжелательно о некоторых их моральных свойствах отзывался Фабри. Простота, которую он находил в способе ведения торговли у московитов, имеет основанием, без сомнения, их добросовестность:

³⁵ “... frequenter audierim patrem meum, et multos alios viros optimos, qui cum eis aliquamdiu habitauerunt non parum iustificantes illos pro nobis...” (*Campensis A. De Moscovia. C. 85, 107*).

³⁶ Ibid.

Договариваясь только на словах, без долгих околичностей заключают они торговые сделки»³⁷.

У Герберштейна, конечно, картина прямо противоположная. «Торгуют они с великим лукавством и коварно, не скупясь на слова, как о том писали некоторые», - утверждал он, полемизируя, по-видимому, с Фабри³⁸. «Иностранцам любую вещь они продают дороже и за то, что при других обстоятельствах можно купить за дукат, затрачивают пять, восемь, десять, иногда двадцать дукатов»; при покупке, наоборот, пытаются резко понизить цену товара; поэтому в торговле с ними нужно иметь выдержку и, «зная их обычай, не обращать внимание на коварные речи»³⁹. Среди примеров «их коварства и обмана в торговле Герберштейн ссылался и на случай из своего опыта (рассказ о нем содержался только в немецкой редакции «Записок»), когда ему удалось, выждав время,

³⁷ “Simplici uerborum fide, non longis ambagibus contrahunt...” (*Fabri I. Moscovitarum religio*. С. 151, 180).

³⁸ См. в этой связи: *Kaempfer Fr. Herbersteins nicht eingestandene Abhaengigkeit von Johann Fabri aus Leutkirch*. S. 17, 18.

³⁹ *Герберштейн С. Записки о Московии*. С. 126, 127. «Mercantur fallacissime ac dolosissime: nec paucis uerbis, ut quidam scripserunt... Caeterum qui mores illorum tenet, dolosaque uerba, quibus precium rei imminuunt, tempusque extrahunt, non curat, aut dissimulat: is res suas sine aliquo dispendio uendit... Externis singulas res carius uendunt: ut ut quae uno ducato alioqui emunt, ea quinque, octo, decem, interdum uiginti ducatis indicent” (P. 58, 59); “Sy khauffen listiglich und betrieglich,.. und geschiecht nit mit wenig wortten, als etliche geschriben haben... Ainem ausslender dem thuern sy ain sach umb zehen oder zwanzig gelt pieten” (Sig. I iv v-K i r).

второе меньше против первоначальной цены заплатить московитскому купцу за собольи меха⁴⁰. Верность клятвам, упомянутую Альбертом Кампенским в числе добродетелей московитов, Герберштейн также не признает за ними совершенно. «А как только они начинают клясться и божиться, - писал он, продолжая тему их торговых нравов, - знай, что тут сейчас же кроется коварство, ибо клянутся они с намерением провести и обмануть»⁴¹.

Вторя Альберту Кампенскому, Фабри сообщал, что московиты «гнушаются прелюбодеяствия, пожалуй, в большей степени, нежели мы. Ибо они его жестоко ненавидят и преследуют. Существует непреложный закон, согласно которому, доколе жив муж, жена не может вторично выйти замуж». При заключении же брака московиты проявляют величайшую осмотрительность и не разрешают вступать в него «родственникам до четвертого колена»; запрет на брачные связи соблюдается и для крестных родителей⁴².

⁴⁰ Там же. С. 127д-д (Sig. K i r)..

⁴¹ Там же, С. 127. “Item, quamprimum iurare incipiunt, aut obtestari, scias illico dolum subesse. animo enim fallendi ac decipiendi iurant” (P. 59); “... so pald die anheben zuschweren, so wellen sy betriegen” (Sig. K i r).

Ср. в др. месте: «Народ в Москве, говорят, гораздо хитрее и лукавее всех прочих и особенно вероломен при исполнении обязательств» (Там же. С. 133; P. 64; Sig. K iii r).

⁴² “Adulterij abominatio fortassis maior illis quam nobis existit. Illud enim summa execratione detestari ac persequi solent. Lex est etiam firma, ut quandiu uir uixerit, simul alteri nubere uxor non possit” (*Fabri I. Moscouitarum religio*. С. 160, 192).

Павел Йовий давал более нюансированную картину по вопросам семейно-брачных отношений, положения и прав женщины у московитов. Он писал, что у московитов «супруги и вообще женщины не пользуются... таким уважением, как у прочих народов, с ними обходятся чуть ли не как со служанками». Целомудрие он признавал только за женщинами высших кругов общества и объяснял это их качество строгим надзором за их поведением, запретами принимать участие в пирах, появляться на людях без дела, даже «посещать церковные службы в более отдаленных храмах»; впрочем, о подобном же качестве простолюдинок и мужской половины привилегированных сословий говорить не приходится, ибо, как утверждал Павел Йовий, «даже иностранец может легко и за небольшое вознаграждение склонить к любовным утехам всякую женщину из простонародья, из чего можно заключить, что знатные мужи мало стараются о снискании их любви»⁴³.

Надо сказать, что Герберштейн подтверждал информацию Фабри о твердых запретах на браки между родственниками, как кровными, так и духовными, хотя и замечал, что московиты допускают разводы супругов, но стараются хранить их в тайне. Нисколько не идеализируя реальности семейно-брачных отношений в их среде, он писал, что «любовь между супругами по большей части умеренна, в особенности у мужей именитых и знатных», ибо «они женятся на девушках, которых раньше никогда не видели, а затем, занятые государевой службой, вынуждены бывают покидать жен и в это

⁴³ *Iovius P. Libellus de legatione...* С. 251, 252, 285.

время пятнают себя позорными связями на стороне»⁴⁴. Картина получилась существенно иная, нежели та, которую нарисовали Фабри и Альберт Кампенский, ни о каком целомудрии московитов у Герберштейна нет и помину. Сходно с Павлом Йовием, но более яркими красками он живописал незавидную участь русских женщин, называя их «положение весьма плачевным» (*conditio miserima* - эти слова выпущены в немецкой редакции): они сидят взаперти под охраной, никуда не выходят, их весьма редко отпускают даже в храмы и еще реже – на беседы с друзьями и только в том случае, когда эти друзья – совершеннейшие старики, им отказывают в целомудрии, если они позволяют смотреть на себя посторонним им иностранцам; «заключенные дома, они только прядут и сучат нитки, не имея совершенно никакого голоса и участия в хозяйстве»⁴⁵. В итоге оказывалось, что в супружеской жизни московиты не только не обладают никакими преимуществами, но и очень проигрывают в сравнении с народами Европы. Чтобы усилить подобное впечатление Герберштейн поведал траги-комическую историю о браке одного его московского знакомого немца, которая

⁴⁴ *Герберштейн С.* Записки о Московии. С. 111. “*Tepidus est ut plurimum coniugatorum amor, praesertim nobilium et principum uirorum: eo quod puellas nunquam ante uisas ducunt: ac seruitijs Principis occupati, deserere eas coguntur, aliena interim turpique libidine sese contaminantes*” (P. 48); “*Sie halten jre weiber in schlechter lieb, weil sy die ungesehen nemen, und muessen die behalten, wie sy seind. Sonderlichen die ansehnlichen, und Edlen, die uil und offft in dienstn sein und raisen muessen, die offft uerlassen und anderer unnatuerlichen sachen pflegen*” (Sig. H iii v).

⁴⁵ Там же. С. 112 (P. 48; Sig. H iii v).

предназначена была в очередной раз продемонстрировать варварство московитских нравов: от некоего кузнеца Иордана его русская жена стала требовать знаков любви, коими, по ее разумению, должны были быть побои; получив их, жена стала ухаживать «за ним с гораздо большей любовью», он же затем в этом занятии упражнялся очень часто; кончилось тем, что он «сломал ей, наконец, шею и ноги»⁴⁶.

Столь же разительны различия в описаниях того, как московиты относятся к детям. По Фабри, с великой сердечностью они заботятся о подрастающем поколении и о его нравственном воспитании: «Потомство почитается [у них] единственным утешением во всех несчастиях и бедствиях, которые случаются, а равно и высшим счастьем, оно порождает стойкость в тяготах; превозносят они терпеливость, надежду на лучшее, заботу о добром имени, стремление к добродетели, усердие в работе и другое подобного рода, что родители стремятся привить своим детям»⁴⁷. Герберштейн же в этой связи упоминал, что у московитов в обычае, чтобы отец продавал сына в рабство, причем, если этот сын каким то образом станет свободным, то «отец по праву отцовской власти может продать его еще и еще раз»⁴⁸. О торговле родителей детьми в землях

⁴⁶ Там же (Р. 48; Sig. H iv r).

⁴⁷ *Fabri I. Moscovitarum religio*. С. 160, 192.

⁴⁸ *Герберштейн С. Записки о Московии*. С. 112 (Р. 49); «...so uerkhaufft auch der uatter sein Sun, wo sich derselb mit dienstn oder in ander weg frei macht, mag inen der uatter zum andern und dritten mal uerkhauffen...» (Sig. H iv r).

князя Московского писал также Франческо да Колло⁴⁹. Разумеется, в Европе подобная работорговля должна была восприниматься не иначе как дикарство, как знак того, что народ, ее допускающий, не имеет правильных гражданских устоев и чужд христианским заповедям.

В своем повествовании о Московии Павел Йовий уделил внимание упражнению молодежи «в разнообразных играх, и притом весьма близких к воинскому делу», и подавал их скорее как похвальный обычай; он упоминал бег, борьбу, верховую езду, стрельбу из лука, отметив, что отличившимся в состязаниях назначались награды⁵⁰. Не упустил из виду эту сторону московитского быта и Герберштейн, но показал ее в совершенно неприглядном свете. Юноши и подростки, по его описанию, доказывают свою удаль каким-то нелепым, невозможным в цивилизованном обществе способом: собираясь по условному сигналу в некоем всем известном просторном месте, где видеть и слышать их может множество народу, они затевают «рукопашный бой», превращающийся во всеобщую свалку, участники которой колотят друг друга без разбора и пощады, «так что зачастую их уносят оттуда бездыханными» (*das man ye etlich halb lebendig davon tregt*); победителем, заслуживающим «особую похвалу», считается

⁴⁹ “...conducendo li Padri, e le Madri alle fiere, e mercati figliole, e figlie, e quelli vendendo per commodo de compratori a vilissimo prezzo...” (*Da Collo Fr. Trattamento di pace... P. 53, 66*).

⁵⁰ “Iuventus omnis uariis ludis sed militiae proximis sese exercet, in stadio cursu contendit, in palestra colluctatur, pernicipitati equorum studet, omnibusque praemia et praesertim sagittariorum peritissimis praeponuntur” (*Iovius P. Libellus de legatione... C. 250, 283*).

тот, «кто побьет больше народу, дольше других остается на месте сражения и храбрее выносит удары». Отнюдь не для воспитания воинской доблести установлен «этот род состязаний», но, по утверждению Герберштейна, «для того чтобы юноши привыкли переносить побои и терпеть какие-угодно удары»⁵¹. Картина московитской жизни у Герберштейна нельзя отказать в логике: народ, влачащийся в тираническом государстве рабское существование и терпящий самое жестокое с собой обращение, с ранних лет должен приучаться к тяготам своего положения.

О войнах, военном деле и войске московитов Альберт Кампенский, Иоганн Фабри и Павел Йовий сообщали так, как могли это делать лишь заинтересованные в тесном союзе с ними государственные мужи. Как раз одним из наиболее убедительных аргументов в пользу такого союза считал Альберт Кампенский, советник папского престола и католический публицист, великость московитского войска, в которое государь набирает «столько людей, сколько ему угодно» (*in Militiam, quantumcunque uult delectum facit*); в некоторых случаях он даже пытался указать количество конных и пеших ратников, выставляемых тем или иным княжеством или владением Московии⁵². Важное преимущество этого войска он видел в том, что князь Московский «никогда не использует иноземных или наемных солдат, но только своих подданных»⁵³; Фабри оценивал численность вооруженных сил московитов в двести или триста тысяч конницы, что обеспечивает им решительные

⁵¹ *Герберштейн С.* Записки о Московии. С. 117, 118 (Р. 52; Sig. I i v).

⁵² *Campensis A.* De Moscovia. С. 81, 82, 102, 103.

⁵³ “... quod est praecipuum externo aut conductitio milite nunquam utitur, sed propriis tantum ac subditis” (Ibid. С. 84, 106).

победы над врагами. Поскольку москвиты постоянно воюют, постольку, писал он, совершенствуются в военном деле: «Прежде, подобно парфянам, они одерживали победы, действуя больше отступательным, нежели наступательным образом, забрасывая [врагов] стрелами из луков; теперь они стали искуснее во всех видах войны наступательной и оборонительной, применяют медные орудия, именуемые бомбардами, расставляют удивительной величины строи с обычной [для них] старательностью»⁵⁴. Цифра московитского войска, которую назвал Павел Йовий, скромнее указанной Фабри, но тоже впечатляет – «больше ста пятидесяти тысяч конницы»; оно разделено на отряды во главе с воеводами, комплектуется по областям как из испытанных воинов, так и из новобранцев; по городам ведется учет молодежи, и всех, кто пригоден к армейской службе, зачисляют в ряды воинов, выплачивая им даже в мирное время пусть и «незначительное жалованье» (*exigua stipendia*). Павел Йовий пояснял, что и природа местности, и способ ведения войны противниками, действующими «скорее набегам и быстрыми конными атаками» (*cursu potius et equitandi celeritate*) заставляют москвитов обходиться без пеших войск; бьются они копьями, железными булавами, стрелами и — немногие из них — саблями, а обороняются щитами, наподобие турецких и греческих, панцырями и островерхими шлемами, Впрочем, добавлял Павел Йовий, «Василий учредил также отряд конных стрельцов; кроме того, в московской крепости много медных орудий, вылитых искусством итальянских мастеров и поставленных на колеса»⁵⁵. Перечисляя военные успехи этого князя,

⁵⁴ *Fabri I. Moscovitarum religio*. С. 149, 177, 178.

⁵⁵ *Iovius P. Libellus de legatione...* С. 253, 254, 288, 289.

в значительной мере преувеличенные, а отчасти достигнутые еще его отцом Иваном III, итальянский гуманист упомянул и взятие города Смоленска, состоявшееся в 1514 г.⁵⁶

Многое из того, что писал Герберштейн о войске и военном деле московитов, как будто подтверждало информацию его предшественников, но некоторыми уточнениями, а главное – тональностью своего рассказа он создавал у читателя совсем иное впечатление. Герберштейн согласен, что «в сражении они никогда не употребляли пехоты и пушек», ибо «внезапно и быстро» нападают они на врага, преследуют его или бегут от него, «[и поэтому ни пехота, ни пушки не могут поспеть за ними]». Он также признавал, что «нынешний государь Василий... впервые пустил в дело пехоту и пушки, - и тут же не без издевки добавлял, объясняя цель этих нововведений, - может быть для того, чтобы похвастать своей силой и смыть позор, испытанный им в предыдущем году во время постыднейшего бегства, когда, как говорят, он несколько дней прятался в стогу сена», спасаясь от передовых отрядов подтупивших к Москве крымских татар. Герберштейн очень низкого мнения об этих новых видах вооруженных сил московитов, их пехоте и артиллерии. По его свидетельству, в его бытность в Москве у Василия III «было почти полторы тысячи пехотинцев из литовцев и всякого сброда»⁵⁷. Равным образом и артиллерия великого князя

⁵⁶ Ibid. С. 252, 253, 286. См. также примечания NN 117-119 на С. 305.

⁵⁷ *Герберштейн С.* Записки о Московии. С. 114. “Peditatu uero et tormentis in conflictu nunquam usi sunt. Etenim quicquid agunt, siue adoriuntur, siue insequuntur, siue fugiunt hostem, id repente et celeriter faciunt: atque ita illos nec peditatus, nec tormenta subsequi possunt. Modernus tamen princeps Basilius... peditatu tum primum et tormentis

создана иноземцами, «немцами и итальянцами, которые [кроме пищалей и пушек] льют также железные ядра»; но беда в том, что «московиты не умеют и не могут пользоваться этими ядрами в бою, [...не делают различия между разными пушками, или, говоря вернее, между их назначением]. Они не знают, когда надо пускать в дело большие орудия, которыми разрушаются стены, или меньшие, которые разрушают вражеский строй и останавливают его натиск⁵⁸». Эту их неумелость в обращении с артиллерией показывал

usus est, fortasse ut potentiam suam ostentaret: aut maculam susceptam priori anno, ex turpissima fuga, in qua dicebatur aliquot diebus sub aceruo foeni delituisse deleret... Certe nobis praesentibus habuit ex Lithvuanis, uaria que hominum colluie, mille et quingentos fere pedites” (P. 50). “In Veldzuegn haben sy Veldtgeschuetz noch Fuessuolckh nit gebraucht dan aljr thuen ist in eil anzugreifen oder zuefliehen. Gleichwol der Basilius zu dem ich gesant gewest... darumb... sein macht sehen liesse, und die schmach so jme mit seiner flucht zuegestanden, als er etliche tag under ainem Schober hey uerborgen lag, moechte abwischen, oder uilleicht besorgt, der Tatter wurde wider khummen, fuerte dazumal ain Veldtgeschuetz und etlichs Fuessuolgkh neben den Reyttern, der zeit wir dort gewest, moecht in Fuenffzehenhundert Lyten und allerlay Nationen fuessuolgkh gehabt haben” (Sig. H iv v).

⁵⁸ Там же. С. 116. “Habet Princeps nunc fusores tormentarios Alemanos et Italos, qui praeter pixides, tormenta bellica, item ferreos globulos... fundunt: quibus tamen in conflictu, quod omnia in celeritate posita habent, neque sciunt neque possunt uti. Omitto etiam, quod tormentorum discrimen, seu, ut ueris dicam, usum ignorare uidentur. Nesciunt inquam, quando uel maioribus, quibus muri demoliuntur: uel minoribus, quibus acies impetusque hostium disrumpitur, uti debeant” (P. 50; Sig. I i r).

Герберштейн при описании обороны и осады городов. Во время набега татар 1521 г., когда они вот-вот должны были осадить Москву, ее «наместник приказал под смех немецкого пушкаря поставить под воротами крепости очень большую пушку, хотя... она первым же выстрелом разрушила бы и свод, и (стены городских) ворот». При осадах Казани и Смоленска Василий также использовал под их стенами пушки, однако не сумел ничего добиться⁵⁹. Здесь Герберштейн, движимый стремлением показывать москвитов с невыгодной стороны, слишком явно погрешил против истины и даже вступил в противоречие с самим собой, ибо в другом месте своего произведения он признавал, что москвиты овладели Смоленском, правда, если верить ему, благодаря подкупу и измене⁶⁰. Только так он и мог объяснить взятие этой хорошо укрепленной твердыни москвитами; ведь, по его утверждению, «города они редко захватывают штурмом и после сильного натиска; у них более в обычае принуждать людей к сдаче продолжительной осадой, голодом или изменой»⁶¹.

Великость войска москвитов, о которой с таким почтением отзывались предшественники Герберштейна, в его глазах сама по себе не является преимуществом, тем более если она провоцирует недооценку личных качеств воинов и пренебрежение правильной

⁵⁹ Там же (Ibid).

⁶⁰ Михаил Глинский, бежавший из Великого Княжества Литовского к Василию III, будто бы рассчитывая на то, что ему будет уступлено княжество Смоленское, повел переговоры с офицером гарнизона и за деньги и подарки им добился сдачи города (Там же. С. 69; Р. 12; Sig. C iii r).

⁶¹ Там же. С. 114, 116 (Р. 50; Sig. H iv v-I i r).

тактикой в открытом сражении: «...они возлагают более надежды на численность, на то, сколь большим войском они нападут на врага [а не на силу воинов и на возможно лучшее построение войска]; они удачнее сражаются в дальнем бою, чем в ближнем, а потому стараются обойти врага и напасть на него с тыла»⁶². Вот и вся их тактика. Поэтому они не в состоянии вести длительный бой, «при первом столкновении они нападают на врага весьма храбро, но долго не выдерживают, как бы придерживаясь правила: «Бегите или побежим мы»»⁶³.

Соответствует подобному типу боя снаряжение и вооружение, в описании коих у Герберштейна заметно сходство с Павлом Йовием, хотя габсбургский дипломат умел в это описание добавить, как обычно, пояснения и уточнения, доказывающие несовершенство военного оснащения московитов. «Лошади у них маленькие, холощенные, не подкованы; узда самая легкая»»; седла приспособлены к тому, чтобы всадники могли поворачиваться во все стороны и стрелять из лука. Однако «сидя на лошади они так подтягивают ноги, что совсем не способны выдержать достаточно сильного удара [копья или стрелы]»: и этим они, по догадке читателя Герберштейновой книги, должны несомненно проигрывать в сравнении с европейскими воинами. Такое же впечатление производило и перечисление принятого у них оружия, а это – лук,

⁶² Там же. С. 117 (P. 51; Sig. I i v).

⁶³ Там же. С. 114. “Hostem primo impetu audacissime aggrediuntur, nec diu perseuerant: ac si innuere uellent, Fugite, aut nos fugiemus” (P. 50); “Ire Veindt greiffen sy trusslichen an uerharren aber nit lang, und thuen als etwo beschehen ist, in unsern Landen, da begert ward, fliecht oder wir werden fliehen” (Sig. H iv v).

стрелы, топор и палка, именуемая по-русски кистень (*nach jrer sprach kesten genant*); имеются у них и копья; а вот сабли есть далеко не у всех, их «употребляют те, кто [познатнее и] побогаче»; и совсем нелепо выглядели в изображении Герберштейна “продолговатые кинжалы”, которые “спрятаны в ножнах до такой степени глубоко”, что в случае надобности их “с трудом” можно достать. “Панцирь, латы, сделанные искусно, как будто из чешуи, и наручи” доступны лишь “некоторым из более знатных”; также и шлем [заостренный кверху наподобие пирамиды]» есть у весьма немногих⁶⁴.

Конечно, характеристика, данная Герберштейном военному делу московитов, впечатляет своей обстоятельностью и подробностью. Однако о ее объективности вряд ли стоит говорить. Ибо в ней отчетливо просматривается стремление внушить читателю представление о том, сколь неразумны и даже примитивны московиты в способе ведения боя, сколь неискусны они в употреблении артиллерии и осаде городов, сколь слабо и недостаточно их вооружение, наконец, сколь мало проку от большой численности их войска.

Мимо внимания повествователей о положении дел в Российском государстве не могли пройти его законы и установления. Большое место им уделил Герберштейн. Однако данная им трактовка некоторых черт общественно-правового строя государства Василия III существенно отличалась от сведений его предшественников, прежде всего Павла Йовия. «Законы во всем царстве у них [московитов – *О.К.*] просты и имеют основанием величайшую справедливость государей и наиболее честных людей, - писал итальянский историк и гуманист, - а потому весьма благотворны для

⁶⁴ Там же. С. 114 (Р. 49; S. H iv v).

народа, так как их нельзя перетолковать и извратить никаким крючкотворством стряпчих»⁶⁵. Он, разумеется, идеализировал правовой уклад москвитов, находя в нем реализацию тех принципов, которые отстаивала общественно-политическая публицистика ренессансного гуманизма, выступавшего в лице Джованни Понтано, Эразма Роттердамского, Гийома Бюде, Томаса Мора с критикой европейских порядков. Право, по их убеждению, должно покоиться на справедливости, гарантированной государственной властью и выгодной, в первую очередь, народу, паразитировать на котором, если законы будут просты и немногочисленны, не сможет армия юристов, умеющих в своих интересах использовать запутанную систему судопроизводства и законодательства.

Картина, представленная Герберштейном, не могла не быть иной, ибо справедливость в высшей степени чужда тираническому государству. «Хотя государь очень строг, - замечал он, - тем не менее всякое правосудие продажно, причем почти открыто». Далее следовал рассказ о некоем судебском советнике, который получил взятки с обеих тяжущихся сторон и дело решил в пользу того, кто дал больше; изблеченный перед государем в должностном преступлении, он остался безнаказанным, оправдавшись тем, что тот, кто одарил его щедрее, человек богатый и с высоким положением, а потому и более достоин доверия. «Возможной

⁶⁵ “Leges toto Regno habent simplices, summa Principum et iustissimorum hominum aequitate conditas et propterea Populis ualde salutare, quoniam eas ullis Causidicorum caillationibus interpretari, atque per uertere non licet” (*Iovius P. Libellus de legatione... C. 250, 283*).

причиной столь сильного корыстолюбия и бесчестности», по мнению Герберштейна, является бедность, угнетающая подданных государя, который, зная о ней, «закрывает глаза на их проступки и бесчестье»⁶⁶. Таким образом, в отличие от Павла Йовия, у Герберштейна верховная власть, государь московитов выступает не оплотом справедливости, но в совершенно противоположном качестве, он потворствует беззаконию и произволу; и эта его роль понятна, если учитывать, что сам он в своей абсолютной власти ничем не стеснен, как демонстрировал Герберштейн, по отношению к подданным.

Павлу Йовию, типичному представителю культуры и общественной мысли Возрождения, было, как очевидно, свойственно убеждение в том, что место человека в обществе, его достоинство, должно определяться не столько рождением, или богатством, или другими зависящими от случая (фортуны) обстоятельствами, сколько его личными качествами, его доблестью (или добродетелью – *virtus*), судить о которой можно по его делам. Во всяком случае, утверждая, что у московитов «во время войны для истинной доблести (*verae virtuti*) открывается благородное поприще», он ссылаясь на принятое у них «превосходное и полезное установление», в соответствии с которым «во всякой отрасли

⁶⁶ *Герберштейн С.* Записки о Московии. С. 120. “Princeps, quamquam seuerissimus sit, nihilominus tamen omnis iustitia, et palam fere, uenalis est... Fortasse tantae auaritia ac improbitatis causa est ipsa egestas, qua suos cum sciat Princeps oppressos, ad illorum facinora atque improbitatem, quasi impunitate proposita, conniuet” (P. 54); “...wiewol der Fuerst greulich, nichts minder ist das Recht bey jnen zuerkhauffen, und geschiecht offenlich...” (Sig. I ii v-I iii r).

управления каждый в зависимости от оценки совершенных им деяний получает в удел или вечную награду, или вечный позор»⁶⁷.

По Герберштейну, положение человека у московитов и отношение к нему зависит от его достоинства, которое определяется, судя по всему, степенью знатности, то есть породой. «Знатнейшим, - сказано в латинской редакции «Записок», - которые правят посольства или несут другие более важные обязанности, назначаются сообразно с достоинством и трудами каждого (*cuiusque dignitatis et laboris ratione*) или должность начальника, или деревни, или поместья»⁶⁸. В отношениях друг с другом большой почет московиты также оказывают «более знатным.., принимая в расчет и учитывая достоинство каждого» (*observata cuiusque dignitate*). Эта зависимость достоинства от знатности проявляется в прочных социальных перегородках и предрассудках, странных (*mirabiles*), по оценке Герберштейна, обычаях: «Именно, ни одному лицу более низкого звания нельзя въезжать в ворота дома какого-нибудь более знатного лица. Для людей бедных и незнакомых труден доступ даже к низшей знати». Ни один знатный человек не пойдет по улице пешком, если за ним не следует лошадь. Как бы ни был беден знатный человек, он будет считать зазорным для себя заниматься физическим трудом и в то же время не увидит никакого бесчестья в

⁶⁷ “Patescit nanque uerae uirtuti, nobilis locus, quum bellum geritur, siquidem egregio et in omni rerum administratione salutari instituto, ad suum quisque spectatum facinus uel perpetui praemii uel ignominiae sempiternae fortunam adsequitur” (*Iovius P. Libellus de legatione... C. 254, 289*).

⁶⁸ *Герберштейн С. Записки о Московии. С. 73 (Р. 14).*

том, чтобы доедать поднятые с земли огрызки плодов⁶⁹. В обществе, иерархия которого построена на принципе знатности, не предусмотрено место для доблести, доказанной славными деяниями. Не случайно проявления ее Герберштейн и не пытается искать среди московитов.

В числе их похвальных установлений Павел Йовий счел необходимым специально упомянуть о льготах военным. Речь шла о свободе от податей, преимуществах перед крестьянским людом, характер которых, впрочем не уточнялся, и царском покровительстве во всем⁷⁰. Не обошел вниманием этот вопрос и Герберштейн, однако он свел его к описанию пожалованной только царским гвардейцам (*satellites; Khriegsvolckhs*) привилегии, заключавшейся в «полной свободе пить» (*bibendi potestas*), то есть пьянствовать круглый год, а чтобы своим примером они не соблазняли соседей, которым, как и всем прочим подданным Василия III, потреблять спиртные напитки разрешалось в строго установленные праздники, для них, якобы, был выстроен неподалеку от Москвы новый город, получивший название «Налей»⁷¹. И этим примером Герберштейн как бы доказывал, что в государстве, лишенном правильного устройства, извращенную форму принимают все его порядки и установления, включая и

⁶⁹ Там же. С. 121, 122 (P 55; Sig. I iii r-I iii v).

⁷⁰ “Verum qui militant, immunitate Vectigalium gaudent, et caeteris paganis praestant, Regiaque gratia omnibus in rebus potentes existunt (*Iovius P. Libellus de legatione...* С. 254, 289).

⁷¹ *Герберштейн С. Записки о Московии.* С. 132 (P. 62; S. K ii v). О запретах на потребление спиртных напитков для простонародья см.: Там же. С. 103 (P. 41; Sig. H iv r)..

привилегии, противоестественный характер которых обнаруживает его варварскую природу.

Сравнивая образы России в сочинениях первой половины XVI в., нельзя не остановиться на освещении в них еще одной темы, очень существенной и актуальной для их времени; речь идет о вере, религиозной жизни и церковном строе государства Василия III. У европейцев предреформационной поры московиты, державшиеся православного исповедания, не признававшие папского верховенства, сохранявшие различия с католиками в некоторых церковных обрядах и догматах, имели прочно закрепившуюся за ними нелестную репутацию схизматиков, то есть отложившихся от вселенской христианской церкви. Фабри в предисловии к своему труду скорее всего не преувеличивал, утверждая, что «среди людей [то есть европейцев первых десятилетий XVI в. – *О.К.*] значительно преобладает та часть, которая едва ли дала бы себя убедить в каком-либо благом мнении об этом [то есть московитском – *О.К.*] народе и что едва ли какой-нибудь другой народ доселе имел более худую славу в отношении религии⁷². В значительной мере развеять именно это предубеждение против московитов предназначены были трактаты Фабри и других в одно время с ним выступивших писателей. Альберт Кампенский, как бы оправдывая московитов, сообщал, что они расходятся с католиками «в немногих вещах, которые маловажны для спасения», что они «веруют во единого Бога, поклоняются единому Христу, и, кажется, все у них [, как и у нас католиков], если не считать того, что они живут вне церковного

⁷² “... cum sit multa maxima hominum pars, quae uix sustineat quicquam sibi boni ea de gente persuaderi, qua hactenus religionis nomine uix alia peius audijt” (*Fabri I. Religio moscouitarum. C. 144, 172*).

единства»; но приверженность схизме не мешают им, по утверждению советника папского престола, во многих отношениях «лучше нас [католиков – *О.К.*] следовать Евангелию Христа»⁷³. Павел Йовий, стремившийся быть беспристрастным и точным описателем государства московитов, фиксируя все важнейшие их «религиозные заблуждения» (*errores in religione*), то есть расхождения с католической церковью, вместе с тем не без одобрения отмечал, что они «твердо и с самой искренней верой стали следовать тем религиозным уставам, которые они восприняли от греческих учителей», что они «с великой набожностью чтут храмы», что они, наконец, «не считают возможным допускать облаченных в клобук ораторов, у которых в обыкновении проповедовать перед собравшимся народом, пускаясь как в чересчур тщеславные, так и утонченные рассуждения о божественном»⁷⁴. В подобном обыкновении римско-католической церкви, открывавшем простор для удовлетворения самых разных, даже враждебных ей амбиций в делах религии и веры, Павел Йовий как гуманист,

⁷³ “... unum Deum credunt, unum Christum adorant, nec quicquam illis deesse uidetur, nisi qui extra ecclesiasticam uiuunt unitatem... in aliis multis melius quam nos uidentur uiuere ad Euangelicum Christi...” (*Campensis A. De Moscovia. C. 85, 107*).

⁷⁴ “...factumque est, ut Moscouitae eos religionis ritus quos a Graecis doctoribus accepissent, iisdem sensibus, et syncerissima quidem fide sequerentur” (*Iovius P. Libellus de legatione... C. 246, 278*); “Religiosissime templa uenerantur” (*Ibid. C. 248, 281*); “... non enim Oratores cucullatos qui aduocato populo concionari, et ambitiose nimis atque subtiliter de diuinis disserere soliti sunt, admittere fas putant...” (*Ibid. P. 247, 280*).

близкий к папскому престолу, должен был усматривать почву для начатого Лютером церковного раскола.

В том, что именно Реформация заставила европейцев, и прежде всего приверженцев папства, новыми глазами взглянуть на религиозную жизнь и церковь московитов, в полной мере убеждает сочинение Фабри⁷⁵. Как и Павла Йовия, в московитах его восхищало постоянство в вере, истоки которой он, вслед за своими информаторами, послами Василия III к императору Карлу V⁷⁶, возводил к апостолу Андрею, первозванному ученику Христа и брату Симона Петра: “Итак, с большим постоянством души, нежели многие из наших, они твердо стояли в первой вере, воспринятой от апостола Андрея, его преемников и святых отцов и впитанной ими с молоком матери”⁷⁷. Приветствовал он, разумеется, и то, что они ни в

⁷⁵ См. на эту тему также: *Kaempfer Fr.* La “Sainte Russie” vue par l’Europe occidentale. P. 199; *Idem.* Siegmund von Herbersteins "Rerum Moscoviticarum Commentarii" als religionsgeschichtliche Quelle. S. 149.

⁷⁶ Этими послами были Иван Иванович Засекин Ярославский и дьяк Семен Борисович Трофимов, переводчиком при них состоял Влас Игнатъев, сведущий в немецком и латинском языках. Посольство длилось с июня 1524 по апрель 1526 гг. Беседы с Фабри, послужившие основой для книжки Фабри “Религия московитов”, имели место в Тюбингене при дворе эрцгерцога Фердинанда, брата императора, в августе-начале сентября 1525 г. См. подробнее: Россия в первой половине XVI в.: взгляд из Европы. С. 138, 205, 206 N 6.

⁷⁷ “Constantiori itaque animo quam plerique nostrum in hac prima fide perseuerare solent, quam ab apostolo Andrea, suisque successoribus,

коей мере не допускают в своей среде «расколы на различные ереси»⁷⁸, подразумевая не столько раннехристианские или средневековые еретические движения, сколько выступления современных и отчасти лично знакомых ему реформаторов⁷⁹. Кратко указав, чем в делах веры и обрядах православные московиты отличаются от католиков⁸⁰, Фабри предпочел акцентировать другое отличие – их, по его убеждению, большую набожность и более ревностное следование заповедям Христовым и древним церковным установлениям. После рассказа о том, сколь усердно соблюдаются московитами посты, Фабри заметил: "Услышав об этом, мы были так потрясены, что, охваченные *восторгом*, казались лишенными ума, поскольку сравнение наших христиан с ними в делах, касающихся христианской религии, производило весьма невыгодное впечатление. И ничто более не запало в наши души, как [мысль о том], что мы, которые много усвоили от древа веры нашей,

sanctisque patribus didicerunt, atque ab ubere materno suxerunt" (*Fabri I. Religio moscouitarum*. С.151, 181). Ср. также в др. месте: "...nihil tamen minus quam sacrosanctam illam fidem in Christum, quam primitus a patribus eorum plantari contigit, temeraria, impia, pollutaque inscitia labefactari permiserunt: uerum adhuc integram, synceram, deuotamque conseruant" (*Ibid.* С. 168, 201).

⁷⁸ *Ibid.* С. 151, 181.

⁷⁹ Фабри вел переписку с Ульрихом Цвингли, встречался с ним на открытых диспутах в 1523 и 1526 гг. См.: Россия в первой половине XVI в.: взгляд из Европы. Сю 135, 136.

⁸⁰ *Fabri I. Religio moscouitarum*. С. 166, 199.

оказывается, в отношении плодов ее хуже, чем они»⁸¹. Развернутый перечень преимуществ московитов в делах религии по сравнению с немцами приведен Фабри в конце его сочинения⁸². Конечно, во многих случаях он явно преувеличивал, слишком идеализировал и даже допускал огрехи, выдавая желаемое за действительное, в частности, когда утверждал, что московиты признают «римского понтифика в качестве преемника [апостола] Петра выше константинопольского патриарха»⁸³. Как представителю католического клира Фабри очень хотелось примером московитов, «ожесточенных беспрестанными войнами» и, тем не менее, твердо державшихся староданей своей религии»⁸⁴, попрекнуть всех, кто в условиях разворачивающейся Реформации стал покушаться на привилегии, которыми до тех пор пользовалось в странах Европы духовенство. По его утверждению, церкви в московитском государстве находятся на особом положении, они защищены иммунитетом от светской власти, ибо «ни при каких условиях не дозволено мирянам надзирать за ними», даже «сам император никогда не вмешивается в дела о наказании клириков», ибо «у них

⁸¹ “Qua re audita ita moti, ut mente, correpti, destituti uideremur, quod admodum iniquam esse nostrorum Christianorum cum illis in rebus istis Christi religionem concernentibus comparationem apparabat: nec magis unquam quicquam animis nostris tenacius inhaesit, quod nos qui nobis ipsis multum persuademus de arbore fidei nostrae, fructu quidem deteriores illis esse contingat” (Ibid. C. 162, 194).

⁸² Ibid. C. 168, 202.

⁸³ Ibid. C. 152, 182.

⁸⁴ “...qui continuo bello ferocientes, pacem nunquam consequuti, adeo constanti animo suam tueantur uetustam religionem” (Ibid. C. 168, 201).

твердо установлено и принято, что надзору, суду и наказанию только епископа подлежат те, которые ему подвластны соответственно порядку евангельскому и которые принесли обет служить Господу»; епископы с помощью викариев и официалов управляют подданными, как и прочие священнослужители, они «живут десятинами» и, кроме того, «пользуются пожалованными им по праву именьями, владеют селами и замками»⁸⁵. Он также подчеркивал приверженность московитов установлениям и обычаям церкви, которые отвергали реформаторы, писал, что московиты сохраняют иерархию священнослужителей, высоко ценят монашество, почитают образа святых и прибегают к заступничеству святых, практикуют дела милосердия, совершают литургию (мессу), творят молитвы, соблюдают положенные при богослужении обряды, отправляют все таинства, причем, по описанию Фабри, и такие, какие приняты не в православной, а в католической церкви; явно погрешил он против истины и тогда, когда утверждал, что московиты получают индульгенции, пусть и не за мзду⁸⁶.

В изображении Фабри религиозная жизнь московитов очень близка тому идеалу, на который мог ориентироваться стойкий приверженец католической церкви в условиях потрясшей ее Реформации⁸⁷. В то же время Фабри, который писал под

⁸⁵ “Neque unquam licet laicis in ipsos animadvertere... Ita nec se unquam imperator ipse de poenis clericorum ingerit... Decimis, quemadmodum a deo decretum est, quoque uiuunt episcopi: dominijs utuntur iure concessis, uillas ac castras possident” (Ibid. C. 153, 183)

⁸⁶ Ibid. C. 165, 198.

⁸⁷ На эту тему см. также: *Kaempfer Fr.* Herbersteins nicht eingestandene Abhaengigkeit von Johann Fabri aus Leutkirch. S. 22, 27.

непосредственным впечатлением от бесед с московитскими послами, в своем повествовании, по-видимому, отразил и их убежденность в решительном превосходстве их народа над латинянами в делах веры. Эту самооценку московитов засвидетельствовал Герберштейн: «Московиты похваляются, - сообщал он в третьем латинском издании «Записок о Московии, что они одни только истинные христиане, а нас осуждают как отступников от первоначальной церкви и древних уставов»⁸⁸. В рассказе о крещении Руси еще ранее Владимира и Ольги апостолом Андреем, который предсказал ей «великую благодать Божью и много христианских церквей»⁸⁹, Герберштейн также зафиксировал появление в сознании московитов идеи об особом религиозном призвании их земли.

Не отрицая в их среде проявлений набожности, дел религиозного подвижничества, строгости церковных установлений, он, однако, в описаниях всего этого стремился сохранять присущий ему критический подход. Монастыри, замечал Герберштейн, «имеют весьма суровые законы и уставы, которые, впрочем, постепенно

⁸⁸ *Герберштейн С.* Записки о Московии. С. 106, 107. “Gloriantur Mosci, se solos uere Christianos esse: nos uero damnant, tanquam desertores primitiuae Ecclesiae, et ueterum sanctorum constitutionum” (P. 43, 44); “Als hieruor gesagt das die Mocouither sich fuer die rechten Christn beruemen. Uns aber als die der anfenckhlichen Kirchen, und der alten heiligen fassungen uerlassen, uerdamen” (Sig. H i v).

⁸⁹ Там же. С. 88. “praedixisseque magmam ibi Dei gratiam, multasque Ecclesias Christianorum futuras” (P. 27; Sig. E ii r).

смягчаются и подвергаются забвению»⁹⁰. И в целом, он показывал, как исчезают древние нормы церковной жизни, и на их место приходят обыкновения, губительные для религии и христианского благочестия. По сути то же самое обмирщение церкви, к которому вела Реформация в Европе, он обнаружил у московитов⁹¹. Ни о каких существенных привилегиях клира речь уже не шла, наоборот, на многих примерах демонстрировалась его полная и унижительная зависимость от светской власти. Вопреки древнему правилу и церковным канонам она присвоила себе право решать, кому быть главой русской церкви. «Некогда митрополиты [московские – *О.К.*], равно как и архиепископы, избирались на соборе всех архиепископов, епископов, архимандритов и игумнов монастырей. Изыскивали по монастырям и пустыням мужа наиболее святой жизни и избирали его. [Нынешний же государь, - добавлено в

⁹⁰ Там же. С. 91. “Habent [monasterij] seuerissimas leges ac regulas: quae tamen sensim labefactae, iacent” (P. 29); “haben gar strenge und schwaere regeln und gesatz, mildern sich gleichwol gemachs hernach...” (Sig. F i r).

⁹¹ Отмечая, что в описании религиозной жизни московитов Герберштейн указывал "различные симптомы изменений к худшему" (verschiedene Symptome einer Veraenderung zum Schlechteren), то есть процессы, сходные с происходящими в Империи, Фр.Кэмпфер (*Kaempfer Fr. Siegmund Herbersteins "Rerum Moscoviticarum Commentarii" als religionsgeschichtliche Quelle. S. 157*) полностью игнорирует другую, более важную тенденцию Герберштейна - его стремление всеми способами подчеркнуть близость установлений и обычаев русской православной и протестантских церквей.

латинской редакции «Записок о Московии», - как говорят, обыкновенно призывает к себе определенных лиц и из их числа выбирает одного по своему усмотрению.]]»⁹². Тут же приведен рассказ, показывающий, сколь бесцеремонно ведет себя светская власть в отношении духовной: митрополит Варфоломей (на самом деле, по-видимому, речь должна идти о митрополите Варлааме, 1511-1521⁹³), «муж святой жизни» (*uir sanctae uitae; den man fuer ain heiligen man hielt*), когда Василий III нарушил их совместную клятву князю новгород-северскому Василию Ивановичу Шемячичу, не желая быть соучастником этого преступления, вернул государю свой посох и отказался от должности, за что был закован в цепи и заточен в дальнем монастыре⁹⁴. Судебная неприкосновенность клира в этих условиях должна была быть крайне ограниченной. По Герберштейну, церковному суду подлежали только прегрешения священнослужителей против религии или духовного сана, все другие, включая и пороки вроде пьянства, находились в ведении мирского суда. Сам Герберштейн видел, «как в Москве пьяных священников всенародно подвергали бичеванию», а один наместник даже «велел повесить священника, уличенного в краже и, несмотря на жалобу митрополита, был государем оправдан⁹⁵. Он отрицал наличие прав светской власти у московитского клира и, противореча Фабри, сообщал, что «замков, городов или какого-нибудь мирского

⁹² Там же. С. 89 (Р. 27; Sig. E ii r).

⁹³ См. прим NN 238 и 239; Там же. С. 308.

⁹⁴ Там же. С. 89 (Р. 27; Sig. E ii r).

⁹⁵ Там же. С. 90 (Р. 29; Sig. F i r).

[как они выражаются] управления они не имеют»⁹⁶. Тем самым он показывал, что попытки уподобить положение православной церкви в Российском государстве тому положению, которое занимала католическая церковь в Европе, прежде всего в Империи, несостоятельны. В тираническом государстве церковь не может быть независимым организмом, все ее дела подконтрольны власти, которая в глазах ее подданных обладает верховным авторитетом даже в вопросах веры: «Кроме того, они считают правильным и непреложным для всех все, во что, как они видят, верит сам государь и что он думает»⁹⁷. Последнее замечание Герберштейна давало европейскому читателю-католику повод задуматься, насколько правоверными христианами являются обитатели Московии.

Не только этой зависимостью от светских властей, но и другими отмеченными Герберштейном своими особенностями религиозные установления московитов напоминали порядки уже сложившихся к середине XVI в., моменту выхода в свет «Записок о Московии», протестантских церквей. «Все священнослужение, или месса, обычно совершается у них, - то есть у московитов, по словам

⁹⁶ Там же. С. 89. “castra autem, ciuitates, aut ullam administrationem secularem (ut uocant) non habent” (P. 28); “Schloesser und stett aber, oder ainigerlay weltlicher obrigkhait haben sy nit” (Sig. E ii v).

⁹⁷ Там же. С. 105. “Principem porro ipsum quicquid credere aut opinari uident, id rectum, omnibusque sequendum esse statuunt” (P. 42); “Und was der Grossfuerst glaubt, oder uermaint guet zusein, dem uolgen sy in der gemain” (Sig. H i r).

Герберштейна, - на собственном народном языке»⁹⁸; на нем же читают в церкви Евангелия, послания апостолов и труды учителей церкви⁹⁹. Невольно напрашивается аналогия с протестантами; она уместна и в другом случае, когда, вопреки утверждению Фабри, Герберштейн показывал совершенную неприязнь московитов к папам римским: «В их святцах есть несколько римских пап, которые почитаются в числе святых; других же, которые жили после знаменитого раскола, они проклинаят за то, что те отступили от правил апостолов, святых отец и семи соборов, и называют их еретиками и раскольниками, ненавидя их более даже, чем магометан»¹⁰⁰. Как и протестантов, нет у московитов должного уважения к праздникам. Если «именитые мужи чтут праздничные дни», хотя и по-варварски, тем, что «устраивают пиршество и пьянство и облакаются в более нарядное одеяние», то «простой народ, слуги и рабы по большей части работают», а равно и горожане и ремесленники, которые после богослужения возвращаются к привычным трудам, полагая сие более угодным богу (*sanctius, saelliger*), нежели «попусту растрчивать достаток и время на питье, игру и тому подобные дела»¹⁰¹. Ну чем не протестантская этика?! Даже церковь пошла на уступки мирским интересам и, попирая идеал нестяжательства, занимается, если

⁹⁸ Там же. С. 110. “Caeterum totum Sacrum, seu Missa, gentili ac uernacula lingua apud illos peragi solet” (P. 46); “aller Gottsdienst in jrer sprach uolbracht” (Sig. H iii r).

⁹⁹ Там же. С. 105 (P. 42; Sig. H i r).

¹⁰⁰ Там же. С. 92 (P. 30; Sig. F i v). См. также: С. 75.

¹⁰¹ Там же. С. 103 (P. 41; Sig. G iv r). На эту тему см. также: С. 110 (P. 46, 47).

верить Герберштейну, ростовщичеством, которое христианская мораль издревле осуждала как страшный грех¹⁰²: «Иногда церковные деньги отдаются в рост, по десяти со ста, и этот рост предоставляется священнику...»¹⁰³.

В итоге, картина религиозной жизни москвитов у Герберштейна выглядела совсем по-другому, чем у его предшественников, особенно у Фабри¹⁰⁴. Если эти последние изображали обитателей

¹⁰² Кудрявцев О.Ф. Жажда наживы и религиозное благочестие (о принципах хозяйственного мышления в средние века) // Экономическая история. Проблемы. Исследования. Дискуссии. М., 1993 (С. 36-62). С. 39-40, 49-52.

¹⁰³ Герберштейн С. Записки о Московии. С. 91 (Р. 29; Sig. F i r). См. такжк: С. 129 (Р. 60; Sig. K i r).

¹⁰⁴ В связи со сказанным выше невозможно согласиться с утверждением Фр.Кэмпфера, будто Герберштейн изображал православную религиозность русских сходно с Фабри, и оба они содействовали распространению «чрезвычайно благожелательного представления о русском христианстве» (*une idee extremement bienveillante de la chretiente russe*) (*Kaempfer Fr. La "Saint Russie" vue par l'Europe occidentale. P. 199*).

Правда, в другой, более поздней своей работе Кэмпфер, убедительно показав, как Герберштейн в описании религиозной жизни москвитов следовал за тематикой труда Фабри, вместе с тем, отметил не только моменты сходства, но и существенные различия в подаче и интерпретации конкретного материала этими двумя авторами. Кэмпфер допускает, что Герберштейн изображением жалкого состояния, в котором обретаются русские священнослужители, возможно, имел в виду продемонстрировать

недано узнанной страны прекрасными христианами, чтущими и оберегающими древние уставы и обычаи и указанием на них пытались призвать католическое духовенство к исправлению и укорить реформаторов, расшатывающих традиционные церковные устои, то Герберштейн, наоборот, не только не находил в них примера для подражания, но и подавал их религиозность как чуждую, даже враждебную католической, в ряде моментов более смахивающую на протестантскую. Не случайно переводчик его труда на немецкий язык Генрих Панталеон в добавленном им сообщении о войнах Василия III с королем Сигизмундом счел даже возможным московитов противопоставить «христианам», именем которых он обозначал их противников литовцев и поляков¹⁰⁵, и тем самым вообще отказать им в конфессиональной близости к католикам.

Герберштейн не всегда противоречил своим предшественникам в указании на факт, явление или черту московитской жизни, тем не менее, у него все это, как правило, получало совсем иное освещение,

пагубность протестантских реформ, чреватых таким же результатом (*Kaempfer Fr. Herbersteins nicht eingestandene Abhaengigkeit von Johann Fabri aus Leutkirch. S. 21-27, и особенно S. 21*).

¹⁰⁵ «...благодаря серьезному вмешательству императора Максимилиана, а затем императора Карла и его брата Фердинанда между христианами и московитами (zwischen den Christen und Moscouiten) был устроен мир или перемирие» (Там же. С. 78э; *Herberstein S. von. Moscouiter wunderbare Historien etc. Mit sampt Pauli Iovii Moscouitischer landen und Georgen Wernhern ungarischen Wunderbaren Wassern beschreibung. Durch Heinrich Pantaleon auff das treuewlichet verteuetschet. Basel, 1563, S. XXI*).

служило поводом к прямо противоположным, чем у них, выводам. Он отмечал, например, грубость (*immanitas*), а также бесчувственность и жестокость москвитов, усматривая в подобном свойстве их натуры возможную причину тиранического государственного строя, извращенности всех их порядков¹⁰⁶. Но и Фабри не отрицал грубости, ожесточенности этого народа (*gens efferata ferocientes*) по причине беспрестанных войн, которые он ведет, находя еще один повод восхититься им, несмотря ни на что не отступающим от древнего своего благочестия¹⁰⁷. Конечно, Герберштейн глубже и лучше знал предмет, о котором писал, поскольку дважды бывал в России и многое видел, что называется, своими глазами. Однако было бы большим упрощением только этим объяснять последовательное несоответствие, которое обнаруживается в характеристиках, данных им и его предшественниками России, ее государственным порядкам и обитателям. (В конце концов, и он не обо всем судил по собственным наблюдениям, не лишенным субъективности и

¹⁰⁶ *Герберштейн С.* Записки о Московии. С. 74, 112 (“*gens ipsa tam immanis, tamque dura crudelisque*”. Р. 15).

¹⁰⁷ *Fabri I.* Religio moscovitarum. С. 154, 168, 184, 201. Здесь Фабри повторял мысль, высказанную им годом ранее в своем главном полемическом сочинении «Молот против Лютеровой ереси»: “*Ni [Moscovitae] licet quasi efferi sint et homines admodum silvestres, tamen hunc ordinem a Paulo se accepisse, immo quasdam epistolas mani Pauli scriptas sese habere gloriantur*” (*Fabri J. Malleus in haeresim Lutheranam.* Hrsg. A. Naegele. Muenster, 1952. S. 281; цит. по: *Kaempfer Fr.* Herbersteins nicht eingestandene Abhaengigkeit von Fabri aus Leutkirch. S. 22).

случайности, и весьма часто должен был полагаться на чужие сообщения, порой весьма сомнительные и просто недостоверные). Многие в этих характеристиках способны прояснить установки, руководствуясь которыми повествовали о Московии Альберт Кампенский, Иоганн Фабри и Павел Йовий, с одной стороны, и Герберштейн, - с другой. Ибо если три первые автора воспринимали и описывали ее в качестве потенциального союзника, к которому уместно обращаться за помощью для борьбы с внешними и внутренними опасностями, прежде всего с османским наступлением и протестантской «ересью»¹⁰⁸, то Герберштейн, заискивавший перед властями Польско-литовского государства¹⁰⁹, давнего противника

¹⁰⁸ См. подробнее: *Кудрявцев О.Ф.* Жизнь за царя: русские в восприятии европейцев первой половины XVI в. С. 8-12.

¹⁰⁹ См., как настойчиво в добавленном к третьему латинскому изданию «Записок о Московии» фрагменту исторического введения Герберштейн уверял поляков в своей лояльности, как он доказывал право на «милость польских королей и доброжелательность польских сословий» (“Regum Poloniae gratia, ac caeterorum Poloniae ordinum beneuolentia”). См.: Герберштейн С. Записки о Московии. С. 77; Р. 18) тем, что никогда не поддерживал претензий российского государя на императорский титул. О роли Герберштейнова труда в дипломатических усилиях Габсбургов заставить Польско-литовское государство выступить на их стороне в борьбе за Венгрию см.: *Хорошкевич А.Л.* Сигизмунд Герберштейн и его «Записки о Московии» // Герберштейн С. Записки о Московии (С. 7-45). С. 13, 14, 18, 29, 30. О позиции Герберштейна по вопросу о титулатуре российского государя см.: *Кудрявцев О.Ф.* Неизвестная грамота

России, стремился развенчать и осмеять ее образ, созданный его предшественниками в публикациях 20-40-х гг. XVI в.

В сочинениях Альберта Кампенского, Иоганна Фабри и Павла Йовия предпринята попытка диалога цивилизаций, которая, однако, обнаружила невозможность описания реалий одной цивилизации понятиями другой. Как верно заметила по поводу этих описаний России Н.В.Синицына, «речь идет о встрече двух миров, значительно отличающихся по многим параметрам и недостаточно осведомленных друг о друге, но уже отягощенных грузом традиции и заранее заданными установками, как идеологическими, так и мировоззренческими»¹¹⁰. Даже у такого, казалось бы, беспристрастного автора, как Павел Йовий, не говоря уже об Альберте Кампенском и Иоганне Фабри, образ России несомненно идеализирован, дабы его сравнение, открытое (у Альберта Кампенского и Иоганна Фабри) или подразумевающееся (у Павла Йовия), с тем, как обстоят дела в Европе, могло послужить целям их критики и исправления. Вместе с тем, никакого признания самобытности русской жизни подобная идеализация не предполагала. Как правило, получаемую информацию указанные авторы приспособляли к привычным для них и европейских читателей реалиям и представлениям, встраивали в иную, понятную им систему отношений и ценностей, и это наполняло ее новыми оттенками и смыслом. В итоге часто получалось, что описано ими некое внешне похожее на ту или иную сторону русской

Карла V Василию III // Новая и новейшая история. 1997. N 5 (С. 224-228). С 226-228.

¹¹⁰ Синицына Н.В. Два мира: возможность взаимопонимания // Россия в первой половине XVI в.: взгляд из Европы (С. 35-62). С. 49.

действительности и в то же время весьма далекое от нее по своей сути явление¹¹¹. Их сказанного вовсе не следует будто опубликованные до Герберштейнова труда сочинения о России бесполезны для изучения ее истории. В них можно найти ценные, подчас уникальные данные, например, концепцию «Святой Руси», складывавшуюся в этот период и в преломленном виде засвидетельствованную в трактатах трех названных авторов, особенно у Фабри¹¹². Нужно лишь помнить, что, не подозревая о своеобразии российского культурно-цивилизационного феномена, эти писатели создавали его образ с помощью чуждых ему идей и понятий, руководствуясь конкретными идеологическими установками, которые навязывала им злоба дня.

У Герберштейна отношения двух разных миров и культур гораздо более напряженны, неприятие ценностей, устоев, традиций, нравов и порядков другого народа обосновывается прямыми, а чаще косвенными обвинениями этого народа в варварстве. Все в России, по Герберштейну, отмечено печатью неполноценности, не только ее политическое и общественное бытие, религия, мораль, но и люди. «Димитрий Данилович, муж важный и достойный всяческого доверия, насколько это возможно у варваров» (*uir (ut inter Barbaros) grauis ac fide singulari*)¹¹³, - делал он неслучайную оговорку,

¹¹¹ Там же. С. 55.

¹¹² *Kaempfer Fr.* La “Sainte Russie” vue par l’Europe occidentale. P. 198-201; *Синицына Н.В.* Два мира: возможность взаимопонимания. С. 53, 54.

¹¹³ *Герберштейн С.* Записки о Московии. С. 180. См. также прим. N 643 на С. 342 (Р. 99; в немецкой редакции перевод слов “*ut inter Barbaros*” опущен).

характеризуя одного из придворных российского государя. Образованный европеец эпохи Возрождения и, кроме того, убежденный сторонник союза с Польско-литовским государством, давним противником России, Герберштейн представлял ее как дикий, варварский, азиатский мир, чуждый, если не враждебный, всем выработавшимся в Европе принципам гражданского устройства, нравственности и культуры.

Тот факт, что описание России Герберштейном произведено с определенных позиций и имеет резкую, полемически заостренную антимосковскую направленность вполне отчетливо показывает сравнение его "Записок о Московии" с трудами на сходную тему его предшественников, которое лишает смысла всякие разговоры об объективности и беспристрастности габсбургского дипломата¹¹⁴.

¹¹⁴ "Ein scharfer... vorurteilsfreier Beobachter" - охарактеризован Герберштейн в работе: *Stoekl G. Sigmund von Herberstein. Diplomat und Humanist // Ostdeutsche Wissenschaft. Jahrbuch des Ostdeutschen Kulturrates. Muenchen, 1960. Bd. VII (S. 69-80). S. 79.*

Нужно согласиться с А.Л.Хорошкевич, справедливо усматривающий «снобизм европейца» в том, как Герберштейн изображал Россию (Сигизмунд Герберштейн и его «Записки о Московии». С. 41). После этого, правда, странно звучат ее слова об *уважительном* отношении габсбургского посла к описываемому им народу и его культуре (Там же. С. 45). Невозможно согласиться и с тем, что Герберштейн «стремился показать всему миру», будто «империя Габсбургов выбирает себе достойного партнера во внешней политике» в лице Российского государства (Там же. С. 27, 28), ибо для габсбургской дипломатии и Герберштейна, ее весьма влиятельного представителя, желательным партнером в решении

Вместе с тем, созданный именно Герберштейном образ России получил преобладание, обесценив все, что по ее поводу было уже написано, и оказал существенное влияние на многих из тех, кто в дальнейшем брался о ней повествовать.

международных задач Империи, как убедительно показала сама же А.Л.Хорошкевич, представлялась не Россия, а Польско-литовское государство.